

КАК БОГОСЛОВСКИЙ БЫЛ АМЕРИКАНСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Кн. обозрение. - 1999 - 5 янв. (пт) - с. 47

КОМПОЗИТОР Никита Владимирович Богословский славится в народе большим мастером шуток и розыгрышей. Рассказывают, что во времена повсеместного увлечения астрономией и уфологией он, якобы, мастерил и сфотографировал на собственном балконе летающую тарелку, а снимок обошел все специализированные издания. Говорят также, что несколько раз он довольно зло шутил над Сергеем Михалковым. Но, как говорит сам мэтр, если хотите, чтобы острота получила большую огласку, припишите ее Бернарду Шоу или Никите Богословскому. Впрочем, послушаем самого композитора.

— Никита Владимирович, вы, действительно, человек с юмором. Но можно ли верить всем этим рассказам о ваших розыгрышах?

— Не знаю, но иногда со мной в самом деле происходят такие комичные случаи... Вот, например, один: на фронте я очень долго носил военную форму (а тогда был майором) — до тех пор, пока не попросил у командующего фронтом Мерещкого разрешения ходить в штатском (надоело козырять направо и налево). «Валяй», — сказал он. И я стал расхаживать в бобровой шубе и шапке — словно Шалапин, сошедший с портрета. В таком виде я однажды зашел к своему товарищу, капитану СМЕРШа, который допрашивал пленного парашютиста. Послушав некоторое время диверсанта, я попросил товарища: «Володя, спроси-ка у него, как он думает — кто я такой?». И тот мне такое выдал, что я понял — войну они выиграть никогда не смогут. Он ответил: «По-моему, это американский губернатор советской Карелии...».

— На фронте вы, наверное, встречались не только со смершевцами?

— Да, на войне приходилось с разными людьми пересекаться. Как-то приезжаю на фронт (это было в городе Беломорске). Прихожу в казарму — там никого. Кровати — в ряд, постели на них застелены, а посреди большого пустынного помещения на горшке сидит... поэт Лев Ошанин. Видно, чего-то скупал не то. Я тогда так жалел, что у меня с собой фотоаппарата не оказалось.

— Говорят, вы были дружны даже с Леонидом Утесовым, правда, еще до войны...

— Утесова я помню еще «дядей Леней». В свое время на юбилее Леонида Осиповича в ЦДРИ был исполнен, к моему стыду, совершенно безграмотный и идиотский вальс, который я написал, когда только только начинал заниматься музыкой. Дело было так. Нас, учеников 51-й советской трудовой школы Петрограда, водили в ТЮЗ, где я познакомился с девочкой Дитой. Та с детской непосредственностью в тот

же день пригласила меня на свой день рождения. Дома я, чтобы не идти к ней с пустыми руками, сел за рояль и написал тот самый вальс, посвятив своей подружке. А так как папа Диты сам был известным артистом, то к ней на день рождения приехали дядя Бабель, дядя Володя Маяковский, дядя Миша Зощенко и многие другие дяди и тети. Именно на этом вечере я и познакомился с моим многолетним другом и соратником дядей Леней, которому по большому счету процентов на 80 обязан своим творчеством.

— Наверное, с детством у вас связана масса воспоминаний?..

— Помню, как я пришел на елку к Алику Менакеру, будущему отцу Андрея Миронова. Дети расшалились, и я, бегая вместе с ними по комнатам, случайно уронил какую-то огромную фарфоровую вазу и расколотил ее вдребезги. Я стал плакать. На мои всхлипывания пришел отец Алика. «Дядя Сеня, простите, ради Бога, я разбил такую замечательную, новую, хорошую вазу», — только и смог я выдать. На что тот, подавив свой вздох, насильно улыбнулся и успокоил меня: «Не волнуйся, мой милый, она не такая уж новая — ей двести лет».

Беседовал
Виталий КАРЮКОВ.

